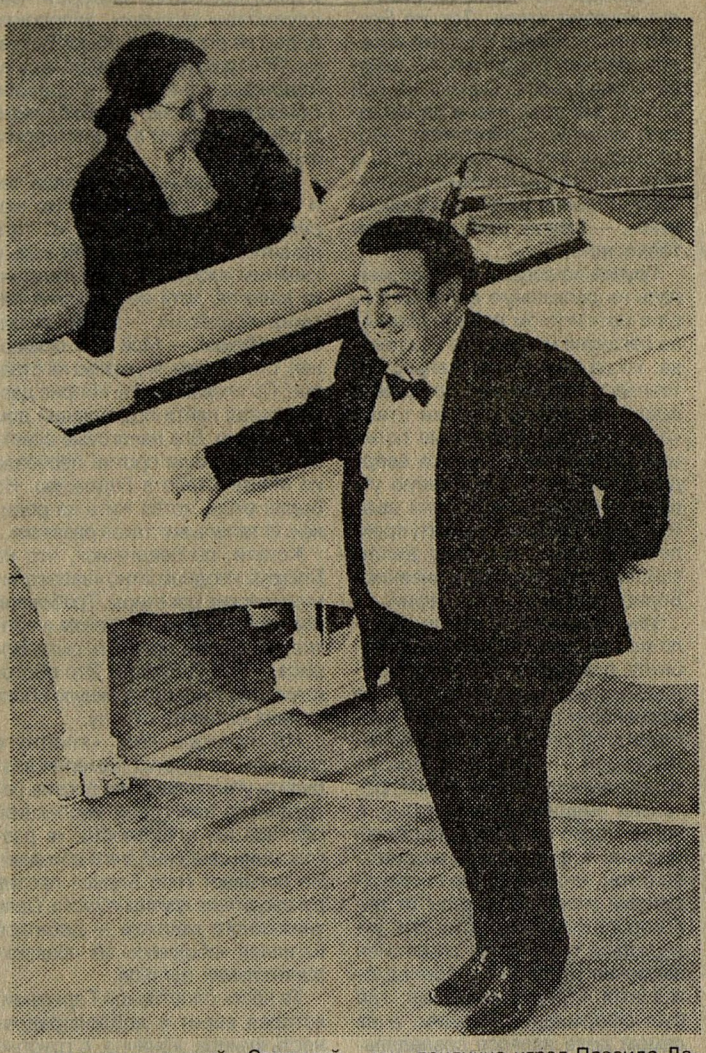
Труд. – 1997. – 12 марта. – с. 5

КУМИР БОЛЕЛЬЩИКОВ И МЕЛОМАНОВ

СЕГОДНЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМУ ПЕВЦУ ЗУРАБУ СОТКИЛАВЕ – 60 ЛЕТ

Нет, не тускнеет с годами слава почетного члена Болонской академии музыки, профессора Московской консерватории, солиста сразу двух оперных театров — Тбилисского и Большого. Полетный, звенящий, радостно льющийся, покоряющий слушателя тенор Соткилавы тридцать пять лет знают на всех континентах.



Мы встретились в скромной репетиционной комнате на пятом этаже Большого театра. Здесь прошла невидимая миру часть жизни, творческой работы артиста.

— Я благодарю Бога за голос, за музыкальность. Я благодарю судьбу, что она ниспослала мне в учителя и друзья таких замечательных людей, как маэстро Барра, Энрико Пьяцца, которые преподали мне уроки пения на стажировке в Милане, концертмейстеров Лию Могилевскую и Важу Чачаву, дирижеров Ростроповича, Кахидзе и Светланова, режиссера Бориса Покровского, великолепного композитора Отара Тактакишвили... Я не смогу назвать имен всех, кому обязан своими творческими успехами. Благодаря им я стал счастливым человеком. Радостей было за эти годы много, всего не упомнишь.

Вершиной своего творчества, принесшей мне поначалу массу огорчений, а потом настоящее счастье, я считаю партию Отелло в одноименной опере Верди. Меня многие отговаривали, убеждали, что эта партия губит теноров. Помню, знал ее уже наизусть, но старательно избегал встреч с дирижером и режиссером. Боялся, что если не получится, никогда уже не вернусь к этой роли. Однако Покровский и Светланов помогли преодолеть страх, и после этой партии мне легко справиться с любыми вокальными и сценическими трудностями.

— Сегодня в репертуаре Большого «Отелло» уже нет. Не жалеете?

— Валерий Гергиев приглашает меня спеть эту партию в «Мариинке». Конечно, соблазн велик. И порой мне кажется, что лучше, чем раньше, я уже не спою, но потом все же чувствую, что кое-что к образу могу сегодня добавить.

— Грустно, когда артист вкладывает столько сил, чтобы подготовить партию, а потом спектакль снимается с репертуара. Не ждет ли подобная судьба и «Хованщину», где вы успешно справились со сложной партией князя Голицына?

— Я не думаю, что спектакль надолго уйдет из репертуара. Это великая постановка двух корифеев отечественного оперного искусства — Ростроповича и Покровского. Кстати, и для меня это была важнейшая веха в творческой биографии. Ведь меня в театр брали не на русский репертуар, а на западный. Пресса много писала о постановке, не скупилась на критику. Довелось услышать и много нареканий по поводу моей трактовки образа князя Голицына. Якобы я его изобразил наивным. Вот уж с чем не могу согласиться. Основная сцена, в которой проявляет себя князь, носит название «Гнусный заговор гнусных людей». А в чем гнусность? Смотрите, совещаются Голицын, канцлер (по-нашему, премьер), Андрей Хованский, предводитель стрельцов (по-нашему, министр обороны), и Досифей, главный поп, увлекающий за собой народ. О чем же они совещаются? Тривиальная, пошлейшая тема: как захватить власть! Какая уж тут наивность. Мой Голицын вполне наделен и умом, и подлостью, и трусостью. Притом это настоящий государственный муж, даже раньше Петра осознавший необходимость приобщения Руси к западной культуре. Он долго колеблется, к кому из двух заговорщиков примкнуть. В конце концов выбрал стрельцов, за что и поплатился ссылкой. «Странный у тебя князь, Зураб, — говорят мне, — приземленный какой-то». Ну что ответить на такие упреки? Конечно, можно было бы сыграть эдакого средневекового барина, заложившего руку за лацкан камзола. Но тогда я перестану верить в этот образ.

— Как у вас складываются отношения с прессой?

— Среди тех изданий, мнение которых уважаю, занимает свое место «Труд». Я ваш читатель и подписчик уже много лет. Что касается прессы вообще — стараюсь спокойно относиться ко всему, что обо мне пишут. Конечно, «артиста может обидеть каждый». Особенно обидно, когда ты чувствуешь, что этого не заслужил. Такая история у меня была, например, с одной московской молодежной газетой, в которой меня здорово поругали вместе с моим коллегой Юрием Мазуроком. Хотя и у Юрия Антоновича, и у меня это было одно из лучших выступлений. Так нет — написали, что, мол, мешаем своим пением выдвижению молодых. Бумага, конечно, все стерпит, но создается впечатление, что многие нынешние журналисты походя берутся анализировать предмет, слабо им знакомый — оперу, — только для того, чтобы набрать очки посредством очернительства...

— Но если честно, Большой театр сам часто «подставляется». То и дело удивляет любителей музыкального искусства экстраординарными постановками, бесконечным обновлением одних и тех же спектаклей.

— Что я могу сказать по этому поводу? Есть постановки, которые вообще трогать нельзя, например, «Борис Годунов». С другой стороны, если постановщику удается найти новое слово, то почему не дать ему его сказать. В некоторых случаях можно согласиться с наличием в репертуаре театра двух трактовок одного и того же спектакля.

— Вообще история Большого — это не только триумфы, но и досадные срывы. Взять, скажем, уход из театра таких корифеев, как дирижеры Голованов и Мелик-Пашаев, или таких режиссеров, как Покровский. Не зря же последний назвал свою нашумевшую книгу «Когда выгоняют из Большого театра».

— Я много думал над этим. Сколько великих людей ушло из театра тихо и незаметно, унося глубокую обиду! Откуда эта жестокая традиция? Знаете ли вы, например, что Козловский, Лемешев и Максакова узнали о том, что театр больше не нуждается в их услугах, из повесток, которые им доставил посыльный? Не дай Бог пережить такое. Грустно, когда артисту, в лучах славы которого долгое время буквально купается театр, не устраивают достойные проводы. Так ушли великолепные певицы Лариса Никитина, Ирина Архипова, Тамара Милашкина...

— Оставим грустное. Вернемся к истории вашего восхождения по творческой лестнице. Оно ведь было весьма необычным. Вы, как известно, один из тех, кому удалось покорить сердца и меломанов, и футбольных болельщиков.

— Футбол — это тоже высокое искусство, особенно в исполнении мастеров вроде Пеле, Стрельцова. Фантастическое зрелище, воздействующее не только на сердца, но и на умы. Мастерство виртуозного футболиста сродни искусству тенора. Возьмите, например, романс Радамеса, с которого начинается опера Верди «Аида»...

— Вы хотите сказать, что тенор испытывает в этот момент те же чувства, что и футболист, вышедший один на один с вратарем?

— Примерно. Не зря же в футбол играли многие известные певцы. Я, например, знаю, что Лучано Паваротти выступал за «Моденну», прилично играл Пласидо Доминго, великими болельщиками слывут Хосе Каррерас и дирижер Клаудио Аббадо.

— Ну а Соткилава?

— Соткилава вообще до определенного возраста и не думал подаваться в певцы. С детства гонял в футбол, в 1956 году попал в сборную юношескую Грузии, которая стала чемпионом среди 15 сборных республик тогдашнего СССР. Горжусь, что был капитаном этой сборной, и звание чемпиона страны ничуть не меньше для меня значит, чем звание народного артиста СССР. Через два года эта команда, подобно ставшему Театром на Таганке выпуску Щукинского училища, стала тбилисским «Динамо». В 1964 году мои товарищи по юношеской сборной стали чемпионами СССР.

— Вы к этому времени оставили футбол. Почему?

— Банальная ситуация — получил травму. Меня в общежитии стадиона «Динамо», где я жил, начал навещать мой земляк из Сухуми — преподаватель вокала. Он и приобщил меня к пению. И моя судьба круто повернулась...

Но о футболе остались самые светлые воспоминания. Для меня тбилисское «Динамо» — это не только команда, в которой я два года играл защитником. Это символ истинного единения всех народов бывшего СССР. У нас ведь были болельщики по всей стране, потому что мы играли красиво и самозабвенно... Это маленький пример того, что у Грузии и России всегда было много общего. В культуре масса имен, которые нам одинаково дороги — возьмите Маяковского, Вознесенского, Данелия... Известно, например, что, когда Стравинскому дали послушать гурийские напевы, он был потрясен, найдя в них много созвучного его сердцу. Сегодня Грузия переживает трудные времена, но я знаю — и меня в этом поддерживают мои друзья, — своего возрождения она не мыслит без надежного плеча России.

— Вам, наверное, тоже отвратителен пущенный когда-то в обиход термин — «лицо кавказской национальности»?

— Это на совести тех, кто такое придумал. Иногда доходит до абсурда. Среди множества писем, которые я получаю, было и такое: «Недавно слушала вас по радио. Вы так пели, что я даже забыла, что вы — лицо кавказской национальности». Мое сердце пронзает боль: сегодня я, уроженец Сухуми, не могу побывать на могиле своих родителей — меня туда просто не пускают как грузина. Это чудовищно. Я никогда не выбирал себе друзей по национальному признаку. Я всегда дружил с теми, кто давал мне хороший пас или мелодично подпевал...

— Любовь — она в вашей судьбе много значит?

— Бог на всю жизнь дал мне друга — женщину, ставшую матерью моих двух дочерей. Тридцать два года мы прожили с моей Элисо как один день...

— А еще говорят, что тенора любвеобильны, то есть склонны к похождениям...

— Я не герой-любовник. Если в меня и влюблялись женщины, то как в певца.

— Сегодня в Большом театре состоится ваш юбилейный концерт. Что ожидает слушателей?

— Начну концерт с того, чем когда-то начинал оперную карьеру — с Герцога из «Риголетто», с Неморино из «Любовного напитка» Доницетти. Потом перейду к своему обычному драматическому репертуару: Манрико из «Трубадура», Каварадосси из «Тоски» и, конечно, Отелло. Будет со мной петь и мой ученик Володя Редькин, поможет мне и моя подруга с юношеских лет Маквала Касрашвили. Ближе к финалу спою неаполитанские песни, а закончим «Застольной» из «Травиаты»...

Анатолий ЖУРИН.
Фото Валерия УТЦА.